

И. Г. ЛЕЖНЕВ

Великий синтез

<Фрагменты>

1

Революция завершает свой первый круг. Она вновь возвращается к бескровным истокам своим; вновь обретает мировое и общенациональное признание.

И мысль невольно возвращается к первоначальному хаосу революции, к ясным мартовским дням, когда в самых сокровенных недрах общенационального единения таились уже ядовитые семена борьбы и крови.

Как наивны мы были в те дни! Каким чудесно раздвинутым, светлым и трогательным казался горизонт! И какой коварной оказалась безоблачность. История прибегла к хитрости военной маскировки. Зловещие тучи были вдвойне зловещи, потому что были замаскированы в радостные тона прозрачной лазури. А когда разразилась гроза, мы ее не приняли ни в серьез и ни надолго. Что это, — поножовщина, пугачевщина? Пьяный бред, злое наваждение? Нет, суровой и жестокой и великой реальностью оказалась гроза. А прекраснородушной иллюзией — общенациональное единение и подъем.

Сейчас в отношении России историей поставлены две задачи: всеобщее политическое признание и свободное восстановление экономических связей. Для выполнения этих задач ходом событий мобилизованы и поставлены в один ряд, плечо к плечу, те персонажи революции и гражданской войны, которые, вчера еще полосовали друг друга мечами на бранном поле. Здесь и коммунистическая власть, и возрождающаяся ныне отечественная буржуазия, и великие державы.

Все эти три главных действующих силы формально ратуют за одной то же. Им всем необходимо включение России в международный оборот, а следовательно, — и ее политическое признание; им всем необходимо свободное восстановление экономических связей. Но как раз по-разному понимают они эти исторически-очередные задачи! Какие противоположные преследуют цели!

Для коммунистической идеологии признанная Россия, это — форпост Интернационала, для отечественной буржуазии, это — предтеча России суверенной и великодержавной, а для великих держав, это — преддверие России колониальной.

Так же обстоит дело и с новым экономическим курсом.

Великие державы во главе со своим вождем Ллойд-Джорджем¹ после провала интервенции меняют прежнюю тактику; все надежды свои полагают на деформацию и изживание революции, а заодно с ней и экономической независимости России в тех новых условиях, которые будут созданы притоком иностранного капитала. Отечественная буржуазия, следуя примеру недавних друзей по интервенционному блоку, тоже отказывается от тактики лобового удара, ставит ставку на новый экономический курс и приветствует «спуск на тормозах», надеясь на перерождение и преодоление коммунизма в интересах возрождающегося из пепла российского капитализма. Наконец, коммунистическая власть от тактики прямого удара отказывается со своей стороны; переходит к маневрированию, к «отступлению для наступления» в надежде «на рынке рынок преодолеть» и достигнуть победы не механической, а органической.

Мы видим формальную общность задач, усугубленную общностью методов — наряду с крайней противоположностью надежд и целей.

В этой борьбе, которая, по парадоксальному свойству наших дней, принимает характер сотрудничества, борются не только три политико-экономические силы, но и три идеологии, три воззрения. Каждая из них имеет где-то перед собой свой устойчивый трамплин, свой Коран, свои «Вехи», и от этого трамплина скачет. В своем полете они повинуются непреодолимым и могучим, как силы природы, законам национального и исторически социального тяготения. Но, повиснув в той точке пространства, куда их эти силы бросили, они с религиозным суеверием проводят воображаемую линию к своему трамплину, и в этом обретают свое утешение.

— Это *наша* идеология, *наше* сознание и *наша* воля привели нас сюда, а не слепые силы исторического процесса. Наша нынешняя позиция, наша тактика определяется нашим же общим воззрением. «Если сейчас нельзя достигнуть цели прямым и непосредственным путем, мы ее достигнем путем посредственным, ибо мы стоим на единственно правильном пути», ибо «история работает на нас».

Можно подумать, что история взяла на себя специальный заказ по обслуживанию политических и социальных схем наших российских догматиков, одновременно и правых и левых.

Вот Н. Устрялов в полемике со Струве пишет:

«...Пусть конечные цели большевиков внутренне чужды идеям государственного и национального могущества. Но не в этом ли и заключается “божественная ирония” исторического разума, что силы, от века хотящие “зла”, нередко вынуждаются “объективно” творить добро?» (Журн. «Смена вех» № 3)2.

А Н. Бухарин в полемике с коллективистами пишет:

«...Что тенденция в сторону возрождения и в сторону победы капитализма изнутри есть и что она даже «отчетлива», — об этом нечего спорить: никто этого не отрицает... Однако марксисту для постановки прогноза нужно как будто бы анализировать не одну, а все тенденции. Не так ли? Есть у нас тенденция к социализму? Мы полагаем, что *есть*. Мы полагаем, что эта тенденция будет *усиливаться*. Мы полагаем, что исторический итог будет выражаться в *победе* этой последней в процессе борьбы» («Правда» № 281)3.

Итак, Н. Бухарин тоже надеется, что «силы, от века хотящие зла» (буржуазия, торговля) «нередко вынуждаются «объективно» творить добро» (социализм).

На одного коня ставят и Устрялов и Бухарин. На одного коня ставят все три противоборствующие силы. Куда же конь примчит? К какому финишу? К чьей победе?

Чтобы ответить на эти волнующие вопросы, необходимо обратиться к первому, ныне завершаемому кругу революции. В мартовские дни в защитном цвете предстал пред нами, но своевременно не был вскрыт и осмыслен другой комплекс противоборствующих начал: лень и труд, разрушение и созидание, война и мир, Национал и Интернационал, народ и интеллигенция, город и деревня, диктатура и свобода.

Как же были разрешены эти тяжкие противоречия на протяжении первых пяти лет великой революционной борьбы и всенародного страстотерпства? Какое из этих начал победило? Какое себя в жизни утвердило?

2

Труд и лень... Нет предрассудка, более вздорного, как тот, будто революционная Россия культивировала лень, будто единственная социальная свобода, какую несет с собой революция, это — свобода безделья. Довольно истерических выкриков о семечках. Их лузгали при Керенском и перестали лузгать после Октября. Дезертиры превратились в бойцов, а бездельники в тружеников.

Плохо в советском доме было не то, будто на его очаге не возгоралось топливо труда и энергии. Плохо было то, что очаг обогревал улицу, что через прорехи и щели все тепло вытягивалось вон и пропадало бесплодно. *Не безделие, а бесплодие* труда напряженного и кровавого было бичем революции⁴.

Вначале было возглашено: «кто не работает, тот не ест». А это означало: кто не работает в советской канцелярии, тот получает паек на принудительных работах. И все начали срабатывать». Городская Россия превратилась в сплошную советскую канцелярию. И пошла писать губерния... Центрозатор, бюрократизм, волокита...

Все подвергалось «учету», кроме непроизводительности труда, бесплодности усилий, работы в пустоте.

В часы так называемого «досуга» шла иная работа: Субботники. Домкомбеды. Уплотнение и утепление жилищ. Дымящиеся «буржуйки» и «временки». Очистка снега. Первобытная звериная борьба с голодом и холодом в одиночку, вразброд, каждый для себя и в своей берлоге. Сюда стаскивали всякую нищенскую рухлядь: полено дров, мерзлый картофель и гнилую воблу. Здесь пилили, кололи, топили, варили, стирали, тащили ведрами воду и нечистоты, согревались от работы и среди холода и дыма, с пустым желудком, с натруженной от нераздёванного за целый день пальто спиной, засыпали от усталости, чтобы на следующий день начать все сначала, пока истощение и болезнь не пригвоздят к холодной постели.

Всеобщий чиновничий стаж, всеобщее военное обучение, всеобщее пешее хождение, всеобщее стояние в хвостах очередей, всеобщее, ни не прямое, часто тайное и отнюдь не равное пайкотаскательство, всеобщее народное бедствие, связавшее всех единой круговой порукой. Как забыть все это!

Труд вращался в порочном кругу. Одни трудились над созданием искусственных барьеров, рогаток, заградилки. Другие трудились над преодолением этих барьеров. А в целом это было запирающим для отпирающего, великим толчением воды в ступе, сплошным изводом трудовой энергии. Одно спасение, что извод этот, в конце концов, оказался и заводом.

<...>

В апатичном, полубезвольном и киселеобразном русском человеке пробудилась могучая сила и цепкость биологического приспособления. В нем заговорили отголоски веков — седые поляне, древляне и кривичи, неуёмная подпочвенная силища векового дуба.

В эти годы я положительно почувствовал густо концентрированную волевою ось в рядовом русском человеке и научился его уважать.

Было трогательно, одновременно скорбно и отрадно наблюдать эту все-таки выравнивающуюся спину из-под стопудовой тяжести всех бед и египетских казней⁵.

Теперь революция из фазы созидания разрушительных сил, из фазы отрицательно-положительной вступила в период творческого накопления сил и средств. Целительный напор зарубцовывает раны; мускулы напрягаются трудовой энергией.

Для хозяйственного возрождения страны историей мобилизованы все наличные живые силы. Коммунистической власти пришлось вставить обратно выброшенную ею вон пружину личной инициативы. Рядовому обывателю пришлось, в свою очередь, переродиться и воспринять от революции ее волевой закал, ее бодрящую силу и молодую цельность.

Коммунистический Аракчеев⁶ сдал российскому Тит Титычу⁷. Российский Тит Титыч сдал социалистическому Аракчееву.

Обе стороны могут произносить любые заклинания, таить любые надежды, но от повеления истории они уйти не могут. Работать рядом над выполнением общенациональной и общенародной задачи строительства они должны и будут.

3

<...>

Я полагаю, что Красная армия — явление порядка больше чем национального. Она есть органическая часть революции, она охраняет и проносит знамя социального бунта, она пролагала и пролагает пути не только национального, но и социального утверждения России. Но она меньше, чем армия интернациональная. Принцип международной пролетарской солидарности лишь символ веры нового катехизиса, в котором воспитывается наша армия. Реально и непосредственно эта армия отстаивала национальные и социальные интересы *русского трудового народа*.

Ссылка на то, что она выполняла задачи международного пролетарского Интернационала, ничего в этом определении не меняет.

Совершенно ясно, что изолированной жизни народов на нашей планете нет, что всякая борьба *здесь* как-то отражается *там*, какую то тенденцию усиливает, какой то тенденции противоборствует, но давать *основное* определение армии по этим производным, вторичным и служебным признакам было бы в такой же мере произвольно, как и неубедительно.

Мы считаем нашу Красную армию явлением порядка сверхнационального. Красная армия воплотила в себе одновременно обе

тенденции, — и национальную, и революционно-социальную. В этом смысле и оправдался и не оправдался прогноз обеих сторон. То, что родилось в результате творческих усилий и предстало перед нашими изумленными глазами, есть и победа обеих сторон и их поражение, и вместе — ни победа, ни поражение.

<...>

5

Первое преобразование в котле революции претерпела наша государственность. Революция разложила и испепелила старую бюрократию, старый государственный аппарат, старую армию. Недаром началась она с пожара окружного суда в Петербурге. Это был символ. Это было торжественное сожжение на жертвеннике революции старого права и старой государственности. Наиболее мощный шквал революции — октябрьский — отвергал уже в своей массовой стихии всякую государственность, достигал уже граней анархии.

Но, дойдя до естественного своего завершения, эта антигосударственная стихия выродилась в свою противоположность. После октябрьских дней от антигосударственности сразу и круто повернули к гипертрофии государственных начал:

— Всероссийская канцелярия, всеобщая чиновничья повинность.

Это не было даже массовой школой государственности. Это были какие-то всероссийские пропускные ворота практического государственоведения, через которые должно было пройти все население страны.

За скобку красной бюрократии были включены не сотни тысяч и даже не миллионы, а десятки миллионов людей.

Могучий национальный организм, хлебнув полной чашей яду анархии, стал в лошадиных же дозах вырабатывать противоядие государственности. Центробежные силы анархии должны были породить центростремительные силы крепкого бюрократизма, который, действительно, не замедлил явиться. И от антигосударственного самоуправства сделали акробатический скачек к повально-государственному самоуправлению.

Эта гипертрофия нейтралистских государственных навыков, в свою очередь, стала изживаться к концу 1919 г. и очень болезненно сказалась при первой же попытке разрешения хозяйственных задач. Политическая мысль, привыкшая двигаться по кругу жесткой военной дисциплины и государственного централизма, имела наиболее естественную склонность применить эти методы,

только что принесшие столь благостные плоды, и к новой области, т. е. пойти по линии наименьшего сопротивления. В результате экономический Седан⁸.

<...>

* * *

Свобода и диктатура... Мы начали со свободы. «Триста лет мы молчали, будем триста лет говорить». Говорили на свободе меньше: всего девять месяцев. Слово, зачатое на свободе в феврале, родило ежовое дело диктатуры в октябре.

Какая эпидемия словоизвержения! Речистый Керенский был не случаен, — всякий народ имеет такое правительство, какого он достоин.

<...>

Интеллигенция, рассматривавшая свободу в ее отвлеченно-формальном составе, считала, что «libertas» есть высшая и абсолютная самоценность. Народ же требовал действия, реального осуществления своих чаяний. Это и только это ему было важно. Свободу он понимал, как безделие и безответственность, а диктатуру как ответственное революционное дело.

<...>

Москва всегда была сердцем России, наиболее кристаллизованным и ярким выражением национального духа. Лондон может перепланировываться, сносить богатейшие дома, чтобы вытянуть и выравнять линию проспектов и парков. Москва же всегда строилась и будет строиться иначе. Москва путанная. Москва — неровная, с лабиринтами улиц, улочек, переулков и тупиков.

Кто хочет понять Россию, идти с ней нога в ногу в общем темпе государственного зодчества, в единой пульсации сердца и крови, тот должен неизменно иметь перед собой современный образ Москвы, не выдуманный и, в сущности, даже не новый, ибо в его революционной и интернациональной новизне звучит вечная и исконная московская старина.

Москва чудится мне великой горой, историческим и социальным Монбланом, на котором вы найдете флору и фауну всех климатических поясов, отзвуки всех эпох от Ивана Калиты до Владимира Ульянова, отголоски всех культур. Но здесь, в этой пестроте, разнообразии и движении, в этом новозданном Пантеоне революции, в этом Вавилоне современности для всякого вдумчивого и мыслящего наблюдателя уже предчувствуется великий синтез наших апокалипсических дней.

<...>

На исходе пятого года Великой Смуты, на пепелище разорения на багровой земле Революция вновь возвращается к бескровным истокам своим; вновь обретает общенациональное и мировое признание.

<...>

* * *

Опираясь на мощный военно-государственный аппарат и на всенародную коалицию живых сил, новая Россия преодолеет стоящие перед нею великие испытания и трудности: избежит опасности колониального порабощения и хозяйственного провала.

Новая Россия в синтезе революционных борений — грядет как государство независимое, сверхнациональное и экономически преобразенное...

«Смена вех»

Ряд литературных отзывов и общественно политических выступлений о «Смене вех» обнаружил, что некоторые основные сменовеховские положения поняты в России превратно. В этом, до некоторой степени, виноваты и сами авторы сборника.

«Заглавие и отчасти первая статья сборника, — справедливо замечает С. С. Лукьянов, — многих толкнули на мысль, что мы сменяем “Вехи”, а не вехи. Между тем ни Ю. В. Ключников (кадет), ни я (тоже бывш. кадет), ни другие участники сборника, а тем более — журнала, не исходили и не исходим из веховской идеологии».

Это замечание крайне ценно, так как оно сразу охладит пыл иных полемистов и слева и справа, которые с большой воинственной торжественностью берут несуществующие барьеры и одерживают победы над измышленными противниками. Совершенно очевидно, что для практических выводов сборника старые «Вехи», как отправной пункт, отнюдь не обязательны. Авторы сборника с таким же успехом могли бы исходить из какой-либо иной старой позиции, ибо многие старые позиции нашей интеллигентской общественности в новой исторической обстановке смене подлежат и идейной модификации поддаются. Дело не в «Вехах» и даже не в вехах без кавычек, а в сме-